

ВОПРОС «КТО Я? / ЧТО Я?» КАК МАРКЕР ПОИСКА ИДЕНТИЧНОСТИ

Ли Юэчуань¹, Е. В. Маркасова²

¹ Пекинский университет иностранных языков,
Китай, 100081, Пекин, ул. Сисаньхуаньбэйлу, 2

² Пекинский университет,
Китай, 100091, Пекин, ул. Ихэюаньлу, 5

Поступила в редакцию 14.07.2024 г.

Принята к публикации 15.01.2025 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-9

Исследование посвящено вопросам «Кто я? Что я?», активно распространяющимся в русском языке с конца XVIII – начала XIX века, причем и в поэзии, и в прозе. В качестве языкового средства самопрезентации и самоидентификации вопросы употребляются в ситуациях, располагающих человека к размышлениям о своем месте в социуме и о собственных ранговых ощущениях. Сам факт употребления риторических вопросов «Кто я? Что я?» исключает нейтральное отношение индивида к ситуации, ставшей поводом для осмысления своего «Я». Будучи инструментом самопознания, анализируемые вопросы являются показателем фиксации внимания человека на собственной социальной и личной идентичности и отражают изменения в его психологии на фоне социально-экономических процессов, трансформирующих традиционные формы взаимодействия в социуме. На основе данных НКРЯ показано, что изменения в восприятии «Я» в XIX – XX веках, описанные в философии, привели к появлению в языке риторических вопросов «Кто я? Что я?». Эта конструкция распространяется одновременно с другими «Я-конструкциями» (я есть я, я не я, я хороший, я плохой и др.).

Ключевые слова: риторический вопрос, самоидентификация, идентичность, самопрезентация, диахроническая психология, «я-конструкция»

1. Введение

В XVIII – первой половине XIX века процессы, происходившие в социально-экономической и культурной сферах, изменили отношение человека к самому себе и восприятие им своего места в социуме. Это период освоения в России сначала картезианской философии (появление понятия «чистого Я», развитие философской проблематики познаваемости мира и достоверности знания), а затем наследия Канта. Философия обращается к проблеме «Я», переосмысливая картезианское *cogito ergo sum*, по-разному оценивая внешние факторы, воздействующие на поведение и психологию человека и, следовательно, на структуру самосознания (Федоров, 2006; Шарипова, 2010; Крючкова, 2012, с. 128; Брюшинкин 2012; Леонтович, 2017).



Философские концепции личности оказывают серьезное влияние на русскую культуру и литературу этого периода (Исупов, 2007; Проблема..., 2012; Идентичности..., 2022), и на этой основе формируются и «русское кантианство», и «русское фихтеанство», и — к последней трети XIX века — «русское берклианство». Проблема познаваемости мира воспринимается как связанная с вопросом о природе человека, о границах его возможностей и о соотношении в нем личного и социально обусловленного.

Впоследствии интерес социальных наук, психологии и неклассической философии к «Я»-проблематике (эго-идентичности, самоидентификации, идентичности) усиливается в условиях политических, военных, национальных, религиозных конфликтов XX—XXI веков (Shoemaker, 1963; Doise, 1998; Glover, 1988; Гвардини, 1993; Бергер, Лукман, 1995; Иванова, 2004; Воге, 2011; Olson, 2019). Особой проблемой становятся массовые и индивидуальные кризисы идентичности (Хёсле, 1994; Павленко, Корж, 1998), в связи с чем складывается традиция дифференцированного изучения возрастных кризисов и кризисов профессиональной, гендерной, социальной идентичностей на основе различных методик (Шнейдер, 2013), в том числе методики Куна — Макпартленда (тест «Кто я?»). Среди наиболее распространенных поводов для кризиса — «диспропорция между аутентичной и феноменальной (социальной) самостью», «столкновение с доминирующей личностью», «разочаровывающее поведение близких людей» и мн. др. (Жукова, Жуков, 2014).

На протяжении XIX—XX веков происходит «сложный процесс, в котором объективное (пространственное и социальное) обособление индивида и рост его социальной самостоятельности сочетались с повышением психологической ценности «Я» (Кон, 1984, с. 97). Эти изменения создают почву для развития в языке «Я-конструкций», в которых реализуется потребность человека эксплицитно заявить о себе. Например, это тавтологические конструкции (*я есть я, я не я*) (Лю Гаочэнь, Маркасова, 2021), конструкции, содержащие прилагательные и наречия оценки (*я плохой, я очень даже*) (Норман, Плотникова, 2016; Маркасова, 2023а; 2023б). Список таких конструкций, интенсивно распространяющихся в русском языке, не может быть закрытым, поскольку в условиях социально-экономической и политической турбулентности человек остро ощущает потребность в самоидентификации (Маркасова, 2024).

Вопросы *Кто я? Что я?* как средство поиска своего «Я» также входят в состав «Я-конструкций». Описать риторический вопрос *Кто я? Что я?* на основе данных НКРЯ необходимо, чтобы выяснить, как появление этого вопроса соотносится с историей бытования уже исследованных «Я-конструкций».

2. Методология и терминология

В основе нашей методологии лежит синтез корпусного подхода и комбинированной стратегии (mixed methods) (Методология..., 2014, с. 55—59, 243—250). Применение комбинированной стратегии, соединяющей качественный и количественный анализ, необходимо для верифицирования выводов, полученных другими науками (Там же, с. 56).



Вопрос *Кто я? Что я?* мы называем риторическим, как и любой вопрос, используемый не для получения информации (переспрос, рефлексивный вопрос, делиберативный вопрос и др.). В работах по риторике и стилистике существует традиция противопоставлять риторический вопрос медитативному и делиберативному (Энциклопедический словарь-справочник, 2005, с. 270). Этот подход не соответствует задачам исследования, а потому нами не применяется. В современной русистике термин «риторический вопрос» принято рассматривать отдельно от прочих вопросов во «вторичной функции» (обзор: Мостовая, 2009; Путина, 2018). Эта позиция противоречит классической риторике и истории изучения риторического вопроса, которая была детально освещена в 1996 году (Schöpssdau, 1996), то есть уже после открытия косвенных речевых актов.

Мы работаем с литературными текстами (не с записями устной речи!), так как принятые в социуме сценарии речевого поведения запечатлеваются именно в репликах персонажей и, оказываясь отражением канонических речевых ситуаций, воздействуют на устную речь. В связи с этим употребление в работе слова «говорящий» следует понимать широко (тот, кому принадлежит реплика). Многоаспектная структура местоимения «Я» (Золян, 2023) в работе не рассматривается.

Термин «личная идентичность» понимается в соответствии со Стэнфордской энциклопедией философии: «Личная идентичность человека... состоит из тех свойств, которые он принимает, чтобы “определить себя как личность” или “сделать ее такой, какая она есть”, и которые отличают ее от других. <...> Эта личная идентичность контрастирует с этнической или национальной идентичностью» (Olson, 2019).

3. Материал и его предварительная обработка

Материал выбран из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) по формуле «кто / что» (мест.-сущ., именительный падеж, ед. число) + «я» (мест.-сущ., именительный падеж, ед. число) с дополнительными признаками «в конце предложения, перед вопросительным знаком». Кроме формального критерия учитывался содержательный: вопрос должен был выражать идею самоотождествления говорящего с определенной группой. Хронологические рамки исследования – с 1700 по 2020 год.

В результате поиска в НКРЯ (в поэтическом и основном подкорпусах) созданы и обработаны вручную две выборки «Кто я?» и две выборки «Что я?».

Возможны следующие варианты пунктуационного оформления риторических вопросов, формально соответствующих условиям поиска: «Кто я?», «Кто «я»?», «Кто, я?», «Кто? я?», «Кто – я?!/?»; «Что я?», «Что, я?», «Что – я?», «Что? я?». Интересующий нас вопрос об идентичности имеет два варианта пунктуационного оформления: стандартный (1) и с тире (2).



(1) *Кто я?* Я невольно задаю себе этот вопрос... [И.Н. Кнорринг. Дневник (1919)].

(2) «*А кто – я?* Кто?! – спросил я себя и принял позу, среднюю между аристотелевской и сократовской. – Кто?! Не Поспелов? – нет! [В. Ерофеев. Записки психопата (1956–1957)].

Кроме примеров расположения вопросительного и личного местоимения в двух соседних предложениях (типа «*А вы кто?*» – «*Я? Мама*»), из выборки исключены следующие случаи:

А). Говорящий требует, чтобы собеседник назвался, реагируя на его неясный (иногда умышленно) ответ (3) или передразнивает спрашивающего (4):

(3) – Это я! – *Кто «я»?* – Ну я! [Дм. Стахов. Кредитная история // Октябрь (2013)].

(4) – Кто это? – спросил за дверью голос Гели. – Я. – Кто – вы? – Ну я, Лопатин! *Кто – я?* Кто еще может быть? [К. Симонов. Так называемая личная жизнь (Четыре шага) (1956–1965)].

Б). Говорящий имитирует непонимание связи между ситуацией и его персоной или искренне не понимает этой связи, как в (5):

(5) – А вы? – *Что я?* – Если со мной все это будет, – вы за мной в Сибирь не поедете? [Е. А. Салиас. На Москве (1880)].

В). Говорящий выражает сомнение в возможности совершения какого-либо действия («*Что я могу сделать в этой ситуации? Ничего...*»), как в (6):

(6) – Уж ступайте спать, Федор Иваныч! Едва на ногах стоите. Заметила бы – всем бы за вас досталось! – *А что я?* Я – ничего! [М. А. Осоргин. Свидетель истории (1932)].

Г). Лексикализованная конструкция, означающая «*Зачем (что / к чему / почему) я это говорю?*» либо «*Вернемся к тому, о чем речь*» в ситуации признания бессмысленности предыдущего или последующего разговора или возвращения к начатой теме (7).

(7) – «*Итак, что я?* Да... О папуасе: папуас, так сказать, существо земнородное... [Андрей Белый. Петербург (1913–1914)].

Все подобные примеры исключены как не имеющие отношения к процессу самоидентификации.

В некоторых контекстах точно определить семантику и прагматику вопроса нельзя, но интерпретация вопроса как вопроса об идентичности возможна (8).

(8) [Аполлон Евгеньевич Окоемов (муж)] Пять минут тому назад я считал себя обладателем миллионов, а теперь *что я?* О, с какой радостью пошел бы я теперь в лакеи к самому себе [А.Н. Островский. Красавец мужчина (1882)].



Если ориентироваться на левый контекст («Пять минут тому назад я считал себя обладателем миллионов»), вопрос «Что я?» можно понять либо как «Что я могу теперь сделать?», либо как вопрос о том, кем человек может считать себя после случившегося. В этом случае говорящий пытается определить свою идентичность, сравнивая *Я-до* и *Я-после*. При произнесении варианты предполагают различия в эмфатическом элементе, вариативность мелодики и частоты основного тона.

(9) Мне воля русская дана И разум, чтоб родной стране Вернуть все ведомое мне... Кто говорит? Кто это говорит здесь, в зоне, бродя по дороге, обсаженной чахлыми березками? Я? *Кто – я?* Нет, это говорит Михаил Васильевич Ломоносов, когда одолевают его враги: тупые и недвижные умы, засевшие в конференц-зале [Н. И. Гаген-Торн. Memoria (1936–1979)].

В примере (9) «*Кто – я?*» квалифицируется либо как переспрос («Действительно ли я это говорю?»), либо как самоуничижение («Кто я такой, чтобы это говорить?»), либо как вопрос о том, кем является говорящий в этот момент, либо как сомнение в том, что «Я» – это действительно Я. В последних трех вариантах это вопрос об идентичности.

Случаи с вводными конструкциями типа «знаешь / понимаешь, кто я?» мы рассматриваем как примеры включения одного риторического вопроса в состав другого [*знаешь, [кто я?]*?].

4. Общая характеристика вопросов «Кто я? Что я?», связанных с поиском идентичности

Первые примеры употребления конструкции появляются во второй половине XVIII – начале XIX века. Вопрос «Что я?» фиксируется в поэзии во второй половине XVIII столетия, в прозе же он появляется позже, в первой четверти XIX века [В. Т. Нарезный. Гаркуша, малороссийский разбойник (1825)].

Первый случай «*Кто я?*» в прозе датируется 1769 годом [А. П. Сумароков. Приданое обманом], а в поэзии – 1791 годом [А. Н. Радищев. Ты хочешь знать: *кто я? что я? куда я еду?..*]. Информацией о распространённости вопроса до XVIII века мы не располагаем, хотя известно, что он есть в Житии протопопа Аввакума (1672): «Кто есмь аз?»

Количество вопросов «*Кто я?*» в поэзии больше, чем в прозе, при этом их объединяет тенденция к росту (табл.).

Количество вопросов «Кто я? Что я?» в НКРЯ

| Вопрос | Количество вхождений | |
|--------|-------------------------------------|---------------------------------------|
| | Основной корпус 374 449 975 слов | Поэтический корпус 13 879 558 слов |
| Кто я? | 391 | 50 |
| Что я? | 253 | 38 |



Чтобы убедиться в достоверности этого наблюдения, можно вычислить интенсивность употребления каждого типа, определив ее как отношение объема корпуса N к количеству найденных конструкций n . Таким образом, $I = N / n$. В нашем случае $I = 374\,449\,975 / 391 = 957\,672,570$. Значит, в основном корпусе, то есть в прозе, в среднем одна конструкция приходится на 957 673 (здесь и далее с округлением до целых) слова, или же (при условии ее равномерного распределения в корпусе) интервал между употреблениями в среднем должен быть 957 673 слова. В поэтическом — один случай на 277 591 слово. То есть в поэтическом корпусе вопрос *Кто я?* встречается в 3,45 раза чаще, чем в основном.

Иные пропорции в использовании второго вопроса. В основном корпусе *Что я?* встречается один раз на 1 480 039 слов, а в поэтическом же — один раз на 365 251 слово. Это значит, что плотность употребления *Что я?* в поэтическом корпусе в 4 раза больше, чем в основном.

Процесс самоидентификации порождает риторическую аттракцию. Возникают цепочки риторических вопросов, пунктуационное оформление которых вариативно. Кроме парной структуры («*Что я? Кто я?*») возможны многочленные цепочки вопросов с местоимениями-наречиями (*Где я? Куда я? Откуда я? Зачем я? Как я?*), как в (10) — (11). Возможно использование антитезы (12) и геминации (тройного повтора) (13) (Маркасова, Митрофанова, 2024):

(10) Тогда первые мои мысли были: «*Что я? Где я? Куда я?*» [В. Т. Нарезный. Гаркуша, малороссийский разбойник (1825)].

(11) Изнутри, только изнутри! *Кто — я? Зачем — я?* [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 1 (1988)].

(12) *Что ты и что я?!* [А. С. Серафимович. Мышиное царство (1913)].

(13) — Вот лежу я раз одна, — рассказывала она, — только часы на стене тикают: *кто ты, что ты? кто ты, что ты? кто ты, что ты?* Вот я и задумалась: и подлинно, думаю, *кто я, что я?* Так всю ночь об этом и продумала [Т. Л. Сухотина-Толстая. Детство Тани Толстой в Ясной Поляне (1910–1950)].

Сам прием нанизывания риторических вопросов типичен как средство выражения состояния аффекта и как средство вовлечения адресата в это состояние (Schöpsdau, 1996). *Кто я?, Что я?* есть во всех жанрах художественной литературы, что традиционно для риторических вопросов.

5. Адресат и наличие ответа на вопросы *Кто я/Что я?*

Адресатом может быть сам говорящий или другое лицо. В условиях автокоммуникации вопрос «*Кто я?*» становится отправной точкой для размышлений о собственной идентичности и поиска внутренней опоры.

(14) Среди предметов необъятного мироздания вижу и себя — человека. *Кто я?* [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)].



(15) Впрошал я себя: *кто я?* [Д. И. Фонвизин. Слово похвальное Марку Аврелию (1777)].

Этот вопрос может быть не только метафизическим. Он часто является следствием «отвержения самости со стороны “я”» (Хёсле, 1994), как в (16):

(16) Он сидел мрачный и говорил, моргая глазами, как бы собираясь заплакать: — *Кто я?* Нешто я человек? [А. П. Чехов. Ворона (1884–1885)].

Вопрос такого рода, произносимый публично и безадресно, может означать кризис идентичности или иметь манипулятивные функции: спекуляция на чувствах собеседника либо очевидцев, формирование группы сочувствующих, заявление о собственном доминировании (это характерно, когда адресат — другое лицо).

Другой человек становится адресатом в двух случаях: когда нужно найти психологическую поддержку (17) и когда есть цель оказать психологическое давление (вопрос воспринимается как угроза) (18).

(17) Братцы, — *кто я?* — взвизгнул Игнат, обняв его за шею. — Скажите скорее, а то — убьюсь! [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина (1928)].

(18) — Для этого нашлось, а для меня нет? Да ты знаешь, *кто я?* Я — Топтыгин! [Коллекция анекдотов: СССР (1956–1993)].

В таких случаях человек апеллирует к своему социальному статусу с целью самоутверждения и доминирования. Ответ на вопрос «*Кто я / Что я?*» может быть известен только говорящему (эта информация сиюминутна и интимна). Когда ответ дает адресат, возникает ситуация принуждения: адресат обязан дать ответ, на который рассчитывает говорящий. В (19) человек вынужден делать выбор между тем, что от него хотят услышать, и тем, что он думает. В таких условиях вопрос *Кто я?* может стать конфликтогенным (20):

(19) [Юнона (жен)] Пирогов, *кто я?* [Пирогов] (проглатывая) Гений [А. А. Образцов. Магнитные поля (1980–1995)].

(20) — Я не идеалист, — сказал председатель. — Значит, *кто я?*
— Неграмотный, — сказал дед. — И брехун [М. Анчаров. Как Птица Гаруда (1989)] (ожидаемый ответ — *Материалист.* — Е. М.).

В условиях переживаемого кризиса идентичности этот вопрос имеет принципиально иное значение: человеку свойственно делегировать установление своей идентичности другим людям, привлекая их внимание (как это происходит в случае публичного использования вопроса «*Кто я? Что я?*») (21)–(22).

(21) Узник прикладывает ко кресту, вопрошает с жаром: — Скажи, отец, *кто я?* — Раб божий, — робко отвечает священник... [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1–2 (1934–1939)].



(22) Слуги ада... *Кто я?* — Безымянный узник, — с волнением отвечает Овцын и пятится... [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1–2 (1934–1939)].

Этот шаг может быть паллиативом лишь в случае благожелательного отношения адресата к адресанту.

Вопрос о своей самости считается вопросом, который задают люди, имеющие определенный уровень рефлексии, что связано с ранговым чувством. Поэтому публичное использование вопроса иногда становится способом выразить свое притязание на статус «мыслящей личности».

Если адресату предлагают домыслить отсутствующий ответ и осознать возможные в этой ситуации последствия (23), вопрос может быть угрозой, способом принуждения к действию.

(23) Требовал, чтобы его отпустили... — Знаете, *кто я?*! У вас могут быть большие неприятности! [А. Мацанов. Мастер и подмастерье // Ковчег (2016)].

Предложение отреагировать на вопрос, ответ на который вариативен, является элементом асимметричного общения. Иерархия, созданная говорящим, обычно парализует волю собеседника. Если же попытка использовать этот вопрос не отвечает реальной расстановке сил, говорящий теряет статус быстрее, чем если бы не задавал его. Это клише часто обыгрывается в детективах, когда арестованный (будучи представителем власти или родственником высокопоставленного лица) спрашивает «Знаете, кто я?», надеясь быть узнанным.

Отсутствие ответа может быть обусловлено потерей чувства реальности, невозможностью размышлять в актуальном на момент речи психологическом состоянии. Это уже не постановочный трюк манипулятивного характера, а настоящая драма.

(24) Где я? *Что я?* Я чувствую: моя душа куда-то ушла [В. В. Вересаев. К жизни (1908)].

Ответ на вопрос может быть кратким, из слова, словосочетания или фразеологизма (25)–(26), либо развернутым, то есть содержащим факты, на основе описания которых можно представить характеристику человека (27)–(28).

(25) Теперь какая жизнь моя? *Что я? Раб?* [П. А. Словцов. Послание к М. М. Сперанскому: «Пока с холодного пера текут чернила...» (1794)].

(26) *Что я? Пыль на ветру...* [В. Г. Галактионова. Спящие от печали (2010)].

(27) А тебе ведомо, *кто я?* Я первый пиита в России, да меня весь свет знает, Париж обо мне пишет [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1–2 (1934–1939)].

Чтобы сохранить свое «Я» или убедиться в его утрате, говорящий обычно прибегает к описанию своих социально значимых действий (28)–(29).



(28) Разве ты не знаешь, *кто я?* Я сам собою привез страх и ужас всем деревенским молодцам; у меня и в городе из горнишных ни одна красавица не показывайся; деревенские же, увидя такого молодца, каков Хватов, все ахнут и все передо мною растают [П. А. Плавильщиков. Бобыль (1790)].

(29) *Кто я?* Я так и не издала «полного собрания сочинений» и не научилась ремеслу наборщика, я едва не умерла от шпульки и близко знала последних великих людей России; я любила минуту жизни больше славы и сделала из этого для себя выводы; и вот теперь я смотрю «на царский поезд» русской литературы, уходящий все дальше [Н. Н. Берберова. Курсив мой (1960–1966)].

Кроме апелляции к событийному ряду, значимому в социальном плане, возможно сравнение себя с другим лицом или группой лиц. На этой основе происходит осознание своей идентичности через повышение или понижение своего статуса, как в (30)–(31).

(30) Я-то знаю себе истинную цену! Кто Вы, и *кто Я?!* Разве нас можно сравнивать? [В. В. Кунин. Кыся (1998–2000)].

(31) Ну, что ты сравниваешь? Кто ты, и *кто я!?* У меня же на всех рынках места откуплены – на Кузнечном, на Сытном, на Некрасовском... [В. В. Кунин. Кыся (1998–2000)].

Критериями обычно являются либо социально-имущественное положение, либо профессиональные заслуги, талант, способности, нравственные и интеллектуальные качества, неформальные достижения (32)–(33).

(32) Возьми, например, Семенухина и положи нас с ним на весы. Что он и *что Я?* А Семенухин полторы тысячи зарабатывает, а у меня четыреста восемьдесят с вычетами [А. С. Бухов. Роковое влечение (1936)].

(33) Он красивый, умный, сын известного ленинградского архитектора, любой девушке будет лестно внимание такого парня. А *кто я?* Как говорится, ничего особенного, талантов никаких [А. Б. Чаковский. Блокада (1968)].

Сравнение с более статусной фигурой, которая в подобной ситуации действовала так же или была бы бессильна, может служить оправданием своих действий или бездействия (34):

(34) О вас уже песни слагают. – Песни слагают не обо мне, а о моем воеводе Цеко Петкове. Он более тридцати лет воюет с турками, три года просидел в Диарбекире прикованным к стене, бежал. А я, *что я?* Я такой же, как Кирчо или Митко [Б. Л. Васильев. Были и небыли. Книга 1 (1988)].

Сравнение себя в прошлом с собой в настоящем обычно является психотравмирующим для говорящего, причем потеря *прежнего Я* воспринимается именно как утрата, а не как «шаг к новым возможностям» (35):

(35) Кто я? *Что я?* Был богат, свободен, немножко счастлив, а теперь... [А. П. Чехов. Иванов (1887)].



6. Классификация ответов на вопросы *Что я? / Кто я?*

Ответы на вопрос *Что я?* — за редким исключением одушевленные существительные или словосочетания, выражающие отрицательную оценку лица по признаку его места в социуме.

А) Низкое (или воспринимаемое как низкое) место в социальной иерархии:

- Слуга двух господ [А. Ф. Вельтман (1848)];
- Приживалка [Е. А. Салиас (1891)];
- Холоп, да еще беглый... [Н. Н. Алексеев (1900)];
- Банковский чиновник, так, чепуха какая-то [Л. Н. Андреев (1901 — 1902)];
- Каторжник [В. М. Дорошевич (1903)];
- Я мужик, не больше не меньше [А. И. Батюто (1938)];
- Сын гнилого интеллигента, пауков любившего... [В. П. Астафьев (1995)];
- Немолодой и не очень здоровый одинокий бухгалтер... [А. Маринина (1996)] и др.

Б) Неопределенное место либо отсутствие места в социуме (никчемность):

- Бедный грешник, старый и хромой [Н. А. Полевой (1828)];
- Ничтожный человек, никому и ни для кого не нужный [Л. Н. Толстой (1878)];
- Сумасшедший [Л. Н. Толстой (1878)];
- Больной, недалекого ума, женоподобный, сантиментальный, обиженный богом [А. П. Чехов (1878)];
- Не то барышня, не то «своя сестра»... дура полуграмотная! [А. В. Амфитеатров (1907)];
- Истеричка [А. Тришатов (1912)];
- Пасынок везения [А. В. Иличевский (2009)].
- Я не страдалец за народ, не ВПЗР, не правозащитник, не святой, даже толком не журналист... [А. Иванов (2012)] и др.

В) Исключенность (метафорическая) из числа людей:

- Птица с обломанными крыльями! [А. Е. Зарин (1902)];
- Образина. Насекомое с человеческим паспортом [И. Г. Эренбург (1921)];
- Червь, рожденный во мраке [А. П. Ладинский (1937)];
- Заяц, бегущий через темный лес... [О. Гладов (2000)].

Неодушевленные существительные также выражают низкую самооценку (*отребие, обноски человечества* [А. Н. Островский (1871)]) вплоть до отрицания своего существования: *Трупь живой* [А. К. Шеллер-Михайлов (1882)]; *Пень обгорелый...* [А. С. Серафимович (1913)]; *Клеточка!* [Л. Н. Андреев (1916)]; *Пыль на ветру...* [В. Г. Галактионова (2010)].



Среди нестандартных ответов на вопрос *Что я?* отметим название профессии (*Скульптор!* [И. А. Гончаров. Обрыв (1869)] и местоимение (*Ничто* [А. И. Цветаева (1914)]). Эти случаи не входят ни в одну из описанных групп.

Ответы на вопрос *Кто я?* могут содержать как отрицательную, так и положительную оценку. Отрицательная оценка в основном обусловлена социальным положением.

А) Низкое (или воспринимаемое как низкое) место в социальной иерархии:

- Сын бедного чиновника, ничтожный разночинец [Н. А. Полевой (1833)];
- Акробат, сын сапожника в Милане [Л. Н. Андреев (1915)];
- Я — обыкновенный статистик [Е. А. Попов (1970—2000)];
- Приживалка у отца... [М. Горький (1899)];
- Пленный [А. А. Успенский (1933)];
- Ничего особенного, талантов никаких [А. Б. Чаковский (1968)];
- Я старая, старая дева, бледно-голубая муха-девственница [В. Д. Дудинцев (1987)];
- Шантрапа [В. П. Астафьев (1968—1991)];
- Рядовой сотрудник, с заурядной внешностью и рядовым жалованьем. [Э. А. Рязанов, Э. В. Брагинский (1977)];
- Старая кумхозяница... [Ф. А. Искандер (1997)];
- Молчунья, почти дурнушка [В. В. Михальский (2003)];
- Обыкновенная тягловая лошадка [В. В. Михальский (2003)].

Б) Неопределенное место либо отсутствие места в социуме (никчемность):

- Я поконченный человек, больше ничего [Ф. М. Достоевский (1866)];
- Ничтожество из ничтожеств [А. И. Сvirский (1901)];
- Ничтожество! [Д. Я. Айзман (1907)] и др.

В) Исключенность (метафорическая) из числа людей

- Пылинка! Лист осенний! [М. Горький (1909)];
- Полусгнившая мокрица с известью вместо мозга... [П. В. Кожевников (2003)].

Г) Положительная оценка «Я» в основном связана с социальными характеристиками (власть, профессия, род занятий):

- Я — Муравьев [В. Ф. Одоевский (1866)];
- Я лесной князь [Ф. М. Решетников (1868)];
- Бурятский князь! [И. С. Тургенев (1883)];
- Я — голос вашей совести и голос мести! [В. Я. Брюсов (1908)];
- Кронштадтский мещанин [П. Н. Краснов (1932)];
- Я первый пиита в России [В. Я. Шишков (1934—1939)];
- Я опасный для фашистов человек! [Д. Н. Медведев (1948)];
- Я боец, минометчик [Б. Ш. Окуджава (1960—1961)];



- Строитель! [Ю. П. Казаков (1962)];
- Солдат, летчик [Ф. Ф. Кнорре (1973)];
- Чекист [В. В. Шульгин (1973)];
- Писатель европейского масштаба [В. П. Аксенов (1996)];
- Я — свободный художник [В. В. Левашов (2000)];
- Я человек [В. Д. Алейников (2002)];
- Крестный, можно считать, отец повести [В. Д. Алейников (2002)];
- Крупный ученый Сторин! [В. В. Щигельский (2013)].

Именно в ответах на вопрос *Кто я?* возможно сочетание положительной и отрицательной оценки. Например:

(36) А я? *Кто я? Человек мягкий, робкий до идиотизма, путаник.* Но с другой стороны — как бы даже и *украшение. Я и честный, я и — соль, я и — кит, а также я и — ось.* Но ведь и это — ошибка. Тут бедой пахнет! Тут — зыбкость! Тут от зыбкости беда выйти может! [Е. А. Попов. Под солнцем (1970–2000)].

Ответы на вопрос *Что я?* существенно отличаются от ответов на вопрос *Кто я?* однообразием и обилием негативных автохарактеристик, отражающих острое осознание человеком своей малозначимости, вплоть до ощущения собственного ничтожества.

7. Сравнение конструкций *Кто я? / Что я?* в прозе и поэзии

Вопросы, как было отмечено, более свойственны поэзии, чем прозе. Различия очевидны по всем параметрам: наличие / отсутствие адресата / ответа, варианты ответов.

В прозе вопрос *Кто я?* функционально весьма вариативен: он может быть и показателем размышлений о своем «Я», и средством самоуничижения, и угрозой, и способом принудить собеседника к действию, которое может не соответствовать его интересам (37):

(37) — Как! еще смеет отвечать, когда я говорю! спорить! ах грубиянка; да не я ли тебя выкормила и воспитала, да не я ли тебя от нищего отца-негодая взяла на свои руки... <...> ты забываешь, *кто я?* [М. Ю. Лермонтов. Вадим (1833–1834)].

Если вопрос представляет собой придаточное предложение при глаголах «знать», «забывать», «помнить» и др., он порождает парную реплику «(не) знаю / знал (а)» (38):

(38) — Кто уполномочил меня? — сказал гордо Ипсиланти. — Вы знаете, *кто я?* — Знаю. Вы служили в русской службе генералом, я служил поручиком, но здесь не Россия. — Неужели вы думаете, что я обязан открывать Дивану Валахии тайны европейских конгрессов? [А. Ф. Вельтман. Радой (1839)].

В поэзии же вопрос *Кто я?* лирический герой обычно адресует самому себе, и это показатель нестабильности восприятия своего «Я», о



чем свидетельствует традиция давать в качестве ответа ряды существительных, которые представляют собой сложную систему контекстуально синонимичных или антонимичных элементов (39) – (40).

(39) Меняю шум на пенье стрел, Меняю строй на стрепет гневный. *Кто я?* Не каменщик прямой, Не кровельщик, не корабельщик, — Двuruшник я, с двойной душой, Я ночи друг, я дня застрельщик [О.Э. Мандельштам. Грифельная ода: «Мы только с голоса пойдем...» (1923)].

(40) *Кто я?* — паяц, бурлак, воин, монах, король? [В.А. Соснора. Этот эпилот: «Слушай! я говорю — горе! — себя кляня...» (1973)].

Вопрос *Что я?* и в прозе, и в поэзии обычно является средством самоуничтожения и свидетельствует о тяжелом психологическом состоянии говорящего, который часто сам дает ответ. Общая черта таких ответов — наличие негативной автохарактеристики.

Вопрос *Что я?* в поэзии часто задают на лоне природы, которая поэтически осмыслена либо как адресат (41), либо как свидетель (42). Адресатом может быть и неодушевленный объект.

(41) Подымая, опуская очи долу, к небу очи: — *Кто я? что я?* птичья стая, в непроглядном мраке ночи разрываемая бурей, разбиваемая оземь... [Н.Е. Горбаневская. «И, подымая взгляд нетрезвый...» (1983)].

(42) То ли сойку спугну мимоходом, то ли друга умершего вспомню — и как бы очнусь ото сна: где я? *что я?* Иду — и не знаю дороги, только слышу, как воздух горчит... [О.Г. Чухонцев. «На окраине кладбища, где начинается поле...» (1969)].

Основой этого вопроса могут быть размышления о выдающихся личностях, сопоставление с которыми приводит лирического героя к отрицанию своей ценности как индивидуума, то есть к кризису (43):

(43) В мышцах жила несказанная мощь, Нега — в изгибе колен, Был он прекрасен, как облако, — вождь Золотоносных Микен. *Что я?* Обломок старинных обид, Дротик, упавший в траву [Н.С. Гумилёв. Воин Агамемнона (1910)].

8. Вопрос *Кто я? / Что я?* в истории «Я-конструкций»

Описывая хронологию любой «Я-конструкции», важно разделять два параметра: 1) время появления первых (единичных) случаев, 2) время возникновения устойчивой тенденции к росту.

Единичные случаи употребления вопросов *Кто я? / Что я?* появляются во второй половине XVIII — начале XIX века, то есть одновременно с конструкцией «Я + адъективный предикат», употребление которой складывается в циклы с конца 1850-х годов. Это легко установить благодаря многочисленности примеров (Маркасова, 2024). На основе нашего



материала был построен график с распределением по пять лет (ось X — годы, ось Y — количество примеров). Он показывает, что в истории двух конструкций есть общие периоды роста и снижения их употребительности.

Корреляция Я-конструкций «Я + адъективный предикат» и «Кто я? Что я?» в русском языке с 1800 по 2000 год



Выявленная корреляция графиков (0,917) значительна и потому достаточна, чтобы предполагать общую причину их сходства.

Тавтологические конструкции с местоимением «Я» появляются в конце 1840-х годов, то есть позже, чем прочие тавтологические конструкции в русском языке (Лю Гаочэнь, Маркасова, 2021). Можно говорить о росте количества этой конструкции, как и о росте количества вопросов *Кто я? / Что я?*, но невозможно (по крайней мере по имеющимся пока данным) создать достоверные графики, доказывающие или опровергающие наличие циклизации.

9. Выводы

С конца XIX века растет употребительность риторических вопросов *Кто я?* и *Что я?*, которые являются зеркалом сложных процессов, происходящих в психологии личности. Анализируемые риторические вопросы, как и другие Я-конструкции, могут указывать либо на принадлежность говорящего к социальной группе (соответственно, на его социальную идентичность), либо на его персональные характеристики, которые также влияют на возможность отождествления себя с некой группой.

Мы предполагаем, что *Кто я?* чаще выступает как вопрос о социальной идентичности, а *Что я?* — как вопрос философский, связанный с персональной идентичностью, с сущностными характеристиками личности. В обоих случаях в риторическом вопросе возникает зона имплицитного знания-о-себе, в которую не может проникнуть посторонний.



Вопрос *Кто я?* допускает и положительную, и отрицательную оценку себя как личности. Использование же вопроса *Что я?* обычно является указанием на кризис идентичности или на низкую самооценку. Процесс самоидентификации связан с переживанием неравенства прежней и актуальной идентичности, что часто вызывает отрицательные эмоции.

Амплификация вопросов о своем «Я» функционально близка тавтологическим конструкциям *я есть я / я не я*, поскольку использование обоих речевых средств может быть либо способом манипулирования, либо отражением в речи кризиса идентичности, суть которого в признании человеком неравенства самому себе.

Благодарности. Мы признательны за помощь в математической обработке данных и обсуждение статьи независимому исследователю В.И. Бескровных (Штутгарт, Германия) и канд. филол. наук О.А. Митрофановой (Санкт-Петербург, Россия).

Список литературы

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- Брюшинкин В.Н. Особенности исследования идентичности // Субъективность и идентичность / отв. ред. А.В. Михайловский. М., 2012. С. 261–272.
- Воге П.Н. Я. Индивид в истории культуры. СПб., 2011.
- Гвардини Р. Конец нового времени // Феномен человека: антология. М., 1993. С. 240–296.
- Жукова О.И., Жуков В.Д. Кризис идентичности как нормообразующее становление личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. Т. 29, №1. С. 81–88.
- Золян С.Т. Местоимение Я: механизм само- и иноописания // Труды ИРЯ им. В.В. Виноградова. 2023. №2 (36). С. 26–39. <http://doi.org/10.31912/pvrl-i-2023.2.2>.
- Иванова Н.Л. Структура социальной идентичности личности: проблемы анализа // Психологический журнал. 2004. Т. 25, №1. С. 52–60.
- Идентичности: семиотика репрезентации и прагматика позиционирования / под ред. А.А. Тесли, С.Т. Золяна, Г.Л. Тульчинского. Калининград, 2022.
- Исупов К.Г. Я (как проблема самосознания) // Культурология: энциклопедия : в 2 т. М., 2007. Т. 2. С. 1149–1150.
- Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М., 1984.
- Крючкова С.Е. Идентичность и принцип «тождества неразличимых» Лейбница // Субъективность и идентичность / отв. ред. А.В. Михайловский. М., 2012. С. 293–318.
- Леонтович О.А. «Зеркало, в котором каждый показывает свой лик»: дискурсивное конструирование идентичностей // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2017. Т. 21, №2. С. 247–259. <http://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-2-247-259>.
- Лю Гаочэнь, Маркасова Е.В. Я есть я (идентичность и коммуникация) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8, №4. С. 701–716. [http://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8\(4\).701-716](http://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8(4).701-716).
- Маркасова Е.В. «Я несчастный, но живой»: адъективный предикат при местоимении «Я» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023а. №82. С. 103–117. <http://doi.org/10.17223/19986645/82/6>.
- Маркасова Е.В. Адъективный предикат «плохой / хороший» при местоимении «Я» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2023б. Т. 9, №4 (36). С. 23–35. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-4-23-35>.



Маркасова Е. В. «Я + адъективный предикат» и исторические обстоятельства (к постановке проблемы) // Вестник РГТУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. №12. С. 14–29. <http://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-12-14-29>.

Маркасова Е. В., Митрофанова О. А. Геминация (тройной повтор) по корпусным данным // Труды ИРЯ им. В. В. Виноградова. 2024. №4 (42). С. 41–59. <http://doi.org/10.31912/pvrl-2024.4.3>.

Методология и методы социологического исследования / под ред. В. И. Дудиной, Е. Э. Смирновой. СПб., 2014.

Мостовая Л. А. Риторический вопрос в группе косвенных речевых актов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. №4. С. 39–45.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.08.2024).

Норман Б., Плотникова А. Семантика конструкций со значением социальной самоидентификации и самопрезентации в русском языке // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4, №4. С. 107–120. <http://doi.org/10.15826/qr.2016.4.194>.

Павленко В. Н., Корж Н. Н. Трансформация социальной идентичности в пост-тоталитарном обществе // Психологический журнал. 1998. Т. 19, №1. С. 75–89.

Проблема «Я»: философские традиции и современность / под ред. В. Н. Поруса. М., 2012.

Путина О. Н. Типология вопроса: традиционный подход // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Т. 4, №4. С. 127–143. http://doi.org/10.22250/2410_7190_2018_4_4_127_143.

Федоров А. А. «История меня»: традиция европейской философской мистики и строительство персональных миров. СПб., 2006.

Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. №10. С. 112–123.

Шарилова Р. Х. Проблема «Я» в истории социально-философской мысли // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. №3. С. 68–75.

Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2007.

Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. М., 2005.

Doise W. Social representations in personal identity // Social identity (international perspectives). L.; New Delhi, 1998. P. 13–24.

Glover J. I. The philosophy and psychology of personal identity. L., 1988.

Olson E. T. Personal identity // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by N. Zalta. 2019. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/identity-personal> (дата обращения: 09.07.2020).

Schöpsdau K. Rhetorische Frage // Historisches Wörterbuch der Rhetorik / hrsg. von G. Ueding. Tübingen, 1996. Bd. 3. S. 445–454.

Shoemaker S. Self-knowledge and self-identity. Ithaca, 1963.

Об авторах

Ли Юэчуань, магистрант, Пекинский университет иностранных языков, Пекин, Китай.

ORCID ID: 0009-0002-0843-5714

E-mail: leefan0810@163.com



Елена Валерьевна Маркасова, доктор филологических наук, доцент Института русского языка, Пекинский университет, Пекин, Китай.

ORCID ID: 0000-0002-9231-1476

E-mail: markasovaelena@yandex.ru

Для цитирования:

Ли Юэчуань, Маркасова Е.В. Вопрос «Кто я? / Что я?» как маркер поиска идентичности // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 16, №2. С. 158–176. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-9.

 ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

THE QUESTION “WHO AM I? / WHAT AM I?” AS A MARKER OF IDENTITY SEARCH

Li Yuechuan¹, Elena V. Markasova²

¹ Beijing Foreign Studies University,

2 Xisanhuan North Road, Beijing, 100081, China

² Peking University,

5 Yiheyuan Road, Beijing, 100091, China

Submitted on 14.08.2024

Accepted on 15.01.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-9

The article is devoted to the questions "Who am I? What am I?", which have been actively spreading in the Russian language since the end of the 18th – beginning of the 19th century, both in poetry and prose. As a linguistic means of self-presentation and self-identification, questions are used in situations that encourage a person to reflect on their place in society and their own rank feelings. The very fact of using the rhetorical questions "Who am I? What am I?" excludes a neutral attitude of the individual to the situation that has become the reason for understanding their "I". Being a tool of self-knowledge, the analyzed questions are an indicator of a person's fixation on their own social and personal identity and reflect changes in psychology against the background of socio-economic processes that transform traditional forms of interaction in society. Based on the data of the National Russian Corpus, it is shown that changes in the perception of the "I" in the 19th – 20th centuries, described in philosophy, led to the emergence of rhetorical questions "Who am I? What am I?" in the language. This construction is distributed synchronously with the I-constructions I am I, I am not I, I am good, I am bad, etc.

Keywords: rhetorical question, self-identification, identity, self-presentation, diachronic psychology, "I-constructions"

Acknowledgements. We are very grateful to independent researcher V.I. Beskrovykh (Stuttgart, Germany) and Dr O.A. Mitrofanova (St. Petersburg, Russia) for their assistance with mathematical data processing and for their valuable discussions of the article.

References

Berger, P. and Lukman, T., 1995. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [The Social Construction of Reality]. Moscow, 323 p. (in Russ.).

Bryushinkin, V.N., 2012. Features of identity research]. In: A.V. Mikhailovsky, ed. *Sub'ektivnost' i identichnost'* [Subjectivity and Identity]. Moscow, pp. 261 – 272 (in Russ.).



Doise, W., 1998. Social Representations in Personal Identity. In: *Social Identity (international perspectives)*. London; New Delhi, pp. 13–24.

Dudina, V. I. and Smirnova, E. E., eds., 2014. *Metodologiya i metody sotsiologicheskogo issledovaniya* [Methodology and methods of sociological research]. St. Petersburg, 388 p. (in Russ.).

Fedorov, A. A. 2006. «Istoriya menya»: traditsiya evropeiskoi filosofskoi mistiki i stroitel'stvo personal'nykh mirov ["The Story of me": the tradition of European philosophical mysticism and the construction of personal worlds] St. Petersburg, 221 p. (in Russ.).

Glover, J. I., 1988. *The Philosophy and Psychology of Personal Identity*. London, 207 p.

Gvardini, R., 1993. The end of modern times. In: *Fenomen cheloveka: antologiya* [The Human Phenomenon]. Moscow, pp. 240–296 (in Russ.).

Hösle, V., 1994. The crisis of individual and collective identity. *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy], 10, pp. 112–123 (in Russ.).

Isupov, K. G., 2007. I as a problem of self-awareness. In: *Kul'turologiya: entsiklopediya: v 2 t.* [Cultural studies: encyclopedia: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow, pp. 1149–1150 (in Russ.).

Ivanova, N. L., 2004. Structure of the social identity of a person: problems of analysis. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 25 (1), pp. 52–60 (in Russ.).

Kon, I. S., 1984. *V poiskakh sebya: lichnost' i ee samosoznanie* [In Search of Oneself: Personality and its self-consciousness]. Moscow (in Russ.).

Kryuchkova, S. E., 2012. Identity and the Leibniz's principle of the "identity of the indistinguishable". In: A. V. Mikhailovsky, ed. *Sub'ektivnost' i identichnost'* [Subjectivity and Identity]. Moscow, pp. 293–319 (in Russ.).

Leontovich, O. A., 2017. "A Mirror in which Everyone Displays their Image": Identity Construction in Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), pp. 247–259, <http://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-2-247-259> (in Russ.).

Liu, G. and Markasova, E. V., 2021. I Am I (Identity and Communication). *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], 4 (8), pp. 701–716, [http://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8\(4\).701-716](http://doi.org/10.24147/2413-6182.2021.8(4).701-716) (in Russ.).

Markasova, E. V. and Mitrofanova, O. A., 2024. Geminatio (Triple Repeat) According to The Corpus Data. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 4 (42), pp. 41–59, <http://doi.org/10.31912/pvrl-2024.4.3> (in Russ.).

Markasova, E. V., 2023a. "I am unhappy, but alive": The adjectival predicate for the pronoun "I". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 82, pp. 103–117, <http://doi.org/10.17223/19986645/82/6> (in Russ.).

Markasova, E. V., 2023b. Adjectival predicate "bad/good" with the pronoun I. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9 (4), pp. 23–35, <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-4-23-35> (in Russ.).

Markasova, E. V., 2024. "I + adjectival predicate" and historical circumstances (stating the issue). *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, 12, pp. 14–29, <http://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-12-14-29> (in Russ.).

Mostovaya, L. A., 2009. Rhetorical question in groups of indirect speech acts. *Russian Language Studies*, 4, pp. 39–45 (in Russ.).

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. Available at: <https://ruscorpora.ru/> [Accessed 12 August 2024] (in Russ.).

Norman, B. and Plotnikova, A., 2016. Semantics of Social Self-Identification and Self-Presentation in Russian Language Structures. *Quaestio Rossica*, 4 (4), pp. 107–120, <http://doi.org/10.15826/qr.2016.4.194> (in Russ.).

Olson, E. T., 2019. Personal Identity In: N. Zalta, ed. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/identity-personal> [Accessed 9 July 2020].



Pavlenko, V.N. and Korzh, N.N., 1998. Transformation of social identity in a post-totalitarian society. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 19 (1), pp. 75–89 (in Russ.).

Porus, V.N., ed., 2012. *Problema «Ya»: filosofskie traditsii i sovremennost'* [The problem of "I": philosophical traditions and modernity]. Moscow, 351 p. (in Russ.).

Putina, O.N., 2018. Typology of Questions: Traditional approach. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 4 (4), pp. 127–143, http://doi.org/10.22250/2410_7190_2018_4_4_127_143 (in Russ.).

Schneider, L.B., 2007. *Lichnostnaya, gendernaya i professional'naya identichnost': teoriya i metody diagnostiki* [Personal, gender and professional identity: theory and methods of diagnosis]. Moscow, 234 p. (in Russ.).

Schöpsdau, K., 1996. Rhetorische Frage. In: von G. Ueding, ed. *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*. Bd. 3. Tübingen, s. 445–454.

Sharipova, R. Kh., 2010. The problem of "I" in the history of socio-philosophical thought. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in the Eastern Siberia and the Far East], 3, pp. 68–75 (in Russ.).

Shoemaker, S., 1963. *Self-Knowledge and Self-Identity*. Ithaca, 276 p.

Skovorodnikov, A.P., ed., 2005. *Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik. Vyrzitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic dictionary-reference book. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings]. Moscow, 480 p. (in Russ.).

Teslya, A. A., Zolyan, S. T. and Tulchinsky, G. L., eds., 2022. *Identichnosti: semiotika reprezentatsii i pragmatika pozitsionirovaniya* [Identities: semiotics of representation and pragmatics of positioning]. Kaliningrad, 347 p. (in Russ.).

Voge, P.N., 2011. *Ya. Individ v istorii kul'tury* [I. An individual in the history of culture]. St. Petersburg, 727 p. (in Russ.).

Zhukova, O.I. and Zhukov, V.D., 2014. Identity crisis as a norm-forming personality formation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstvo* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 29 (1), pp. 81–88 (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2023. "I" as a Subject of Self- And Other-Reference: a Linguistic Perspective. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2 (36), pp. 26–39, <http://doi.org/10.31912/pvrli-2023.2.2> (in Russ.).

The authors

Li Yuechuan, Master' student, Beijing Foreign Studies University, Beijing, China.

ORCID ID: 0009-0002-0843-5714

E-mail: leefan0810@163.com

Prof. Elena V. Markasova, Associate Professor, Russian Language Institute, Peking University, Beijing, China.

ORCID: 0000-0002-9231-1476

E-mail: markasovaelena@yandex.ru

To cite this article:

Li Yuechuan, Markasova, E. V., 2025, The questions "Who am I? / What am I?" as a marker of identity search, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 2, pp. 158–176. doi: 10.5922/2225-5346-2025-2-9.

